Людмила КАСЬЯНЕНКО

КОРИФЕИ КРЫМСКОЙ СЦЕНЫ

История симферопольского театра, созданного в 1821 году по инициативе московского купца Волкова, насчитывает немало увлекательных ярких страниц. В разные годы XIX и XX веков на его сцене работали великие актеры, среди которых М.Кропивницкий и М.Иванов-Козельский, Ф.Раневская и А.Перегонец, М.Незванов и П.Гайдебуров. В гастрольных спектаклях здесь выступали М.Савина, В.Комиссаржевская, П.Орленев, братья А.Адельгейм.

«ОН БЫЛ ВЕЛИКИЙ АРТИСТ...»

«Жить для меня — значит играть на сцене, играть — значит жить» — эти слова принадлежат выдающемуся русскому актеру МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ ЩЕПКИНУ**.** Сын и внук крепостного, благодаря своему огромному таланту и трудолюбию сумевший добыть вольную для себя и своей семьи, Щепкин был одной из самых ярких личностей в театральной культуре России XIX века. Но величие его было не только в богатстве и совершенстве артистического дарования, но и в том, что он создал и передал последующим поколениям школу правдивой театральной игры, обосновал принципы сценического реализма. «Торжество его искусства, — писал о Щепкине Белинский, — состоит не в том только, что он в одно и то же время умеет возбуждать и смех, и слезы, но и в том, что он умеет заинтересовать зрителя судьбою простого человека и заставить его рыдать и трепетать от страстей какого-нибудь матроса, как Мочалов заставлял их рыдать и трепетать от страданий принца Гамлета или полководца Отелло».

Две страницы яркой биографии Щепкина связаны с Крымом.

В 1846 году Михаил Семенович приехал в Симферополь по приглашению известного антрепренера Данилы Жураховского, который предложил актеру сыграть несколько спектаклей на сцене симферопольского театра. В эту поездку Щепкин взял с собой Белинского, своего самого благодарного зрителя и объективнейшего критика. В Симферополь они прибыли в конце августа и остановились в гостинице Банариуса, носившей название «Золотой якорь». Сохранились воспоминания симферопольца И. Шмакова, познакомившегося с Щепкиным и Белинским на даче у большого любителя искусства В.М. Княжевича. «Насколько Белинский был сумрачен и неразговорчив, — писал Шмаков, — настолько был весел Щепкин; он рассказывал анекдоты о своих странствиях с труппой Штейна...».

Симферопольские гастроли Щепкин открыл 1 сентября 1846 года пьесой французских авторов Т. Соважа и Ж. Делурье «Матрос», в котором он исполнял роль матроса Симона. Пьеса эта, рассказывающая о судьбе

матроса, после многих лет войны и плена вернувшегося на родину и не узнанного женой и дочерью, не выходила за рамки заурядной мелодрамы. Но мастерство Щепкина поднимало её до уровня трагедии. Из воспоминаний И. Шмакова: «…вечером я был в театре на спектакле, в котором участвовал Щепкин, играли пьесу «Матрос». Прошло с тех пор около тридцати лет, но я до сих пор не могу забыть того приятного ощущения, которое произвела на меня чудная, задушевная игра Щепкина. Публика, не обращая внимания на жалкую игру прочих артистов, приходила в неистовый восторг при каждом слове, при каждом куплете, спетом Щепкиным. В особенности восторгался Александр Николаевич Серов, известный впоследствии композитор и музыкальный критик, в то время молодой, с артистичной наружностью, товарищ председателя уголовной палаты. После спектакля он обнял и расцеловал Щепкина со слезами на глазах». «Таврические губернские ведомости» в № 39 за 1846 год писали: «В лице матроса Щепкин осуществил подлинник с такой верностью, что заставил зрителей проливать слезы и забывать, что они сидят в театре». Именно роль матроса Симона считал настоящим амплуа актера Белинский, писавший, что Щепкину «наиболее удаются роли по преимуществу мещанские, роли простых людей, но которые требуют не одного комического, но и глубоко патетического элемента в таланте артиста».

Большой интерес представляют письма А.Н. Серова к сестре, в которых он делится своими впечатлениями о гастролях Щепкина: «Щепкин чрезвычайно интересен в обществе. Если его затронуть со стороны искусства — он говорит неутомимо и притом дельно и умно. Замечания его о разных разностях для меня просто драгоценны. По всему видно артиста мыслящего. Он целую жизнь наблюдает и учится над всем и от всех». Из писем А.Н. Серова мы знаем, что на симферопольской сцене Щепкин сыграл целый ряд своих лучших ролей, среди которых Чупрун в спектакле «Москаль — чаривник», Макагоненко в «Наталке-Полтавке» И.Котляревского и три образа в пьесах, написанных его близким другом Н.В. Гоголем,— Городничий в «Ревизоре», Кочкарев в «Женитьбе» и Бурдюков в «Тяжбе». «В каждой роли он решительно другой человек — всегда донельзя верен характеру роли, всегда артистически костюмирован и часто изумительно натурален, — писал сразу после окончания симферопольских гастролей Щепкина А.Н. Серов В.В. Стасову — надо заметить, что у нас далеко не все ценят и могут ценить гоголевскую правду, но ты знаешь, как я её ценю и как выражает её Щепкин».

После Симферополя Михаил Семенович на несколько дней отправился в Севастополь, потому что «и там общество желало видеть» игру великого русского актера. Летом 1863 года Щепкин вновь отправляется на юг: врачи настоятельно советовали ему пройти курс лечения в Ялте. По пути в Крым Михаилу Семеновичу пришлось дать несколько спектаклей. Ученица и друг М.С. Щепкина Александра Ивановна Шуберт вспоминала, что одной из причин, побудивших Михаила Семеновича приехать в Крым, была надежда на обещанную ему графом А.К. Толстым аудиенцию у

императрицы, жившей тогда в Ливадии. Щепкин хотел поведать ей о трудностях московской театральной школы, о злоупотреблениях дирекции и тяжелой судьбе молодых артистов. «Разумеется, все осталось в мечтах, — писала А.И. Шуберт, — до Ливадии его не допустили, так ему, голубчику, и не удалась его благородная миссия».

В Ялту Щепкин приехал в начале августа. Князь Воронцов послал за ним коляску, в которой Михаил Семенович был доставлен во дворец. Но отдохнуть здесь пожилому, утомленному дорогой и болезнью артисту не удалось. Вечером у Воронцовых собрались гости, и хозяева предложили Щепкину прочитать отрывок из «Мертвых душ». Во время чтения Михаилу Семеновичу стало плохо. Осмотревший его врач констатировал, что положение больного весьма серьезно и в любой момент может наступить смерть. И тогда Воронцовы, видимо, не желавшие хлопот с тяжелобольным, отправили Щепкина в Ялту, в гостиницу.

Воспоминания о последних днях жизни великого артиста оставил его верный слуга и друг Александр Григорьевич Алмазов: «За три дня до смерти сознание Михаила Семеновича потеряно не было,— вспоминал Алмазов, — несколько времени могли отвечать на вопросы, а иногда не могли. В это время М.С. вдруг подзывают меня и спрашивают: «Александр, а куда Гоголь ушел?» Я им говорю: «Какой Гоголь?». «Николай Васильевич». «Он давно уже умер». «Как умер? Давно ли?». «Давно». «Да, вон оно что». Это были его последние слова. Отвернулся лицом к стене, чтобы больше не вставать». Это произошло в полдень 11 августа 1863 года. Отпевали Михаила Семеновича в Иоанно-Златоустовском соборе в Ялте. Гроб с телом Щепкина был привезен в Москву на лошадях в ненастный день 20 сентября. 22 сентября его похоронили на Пятницком кладбище, согласно воле Михаила Семеновича, рядом с могилой его друга профессора Т.Н. Грановского.

Из плеяды великих друзей Щепкина в те годы в живых остался только А.И. Герцен. В статье на кончину Михаила Семеновича он написал: «…он был великий артист по призванию и по труду. Он создал правду на русской сцене, он первый стал нетеатрален на театре, его воспроизведения были без малейшей фразы, без аффектации, без шаржа».

«ЭТОТ ЧЕЛОВЕК — РОМАНТИК»

АНАТОЛИЙ ДОБКЕВИЧ родился в 1890 году в Москве, там же окончил Филармоническое училище по классу Н. Яковлева и в 1913 году был приглашен в театр Ф. Корша. Но уже спустя три года, осенью 1916-го, Добкевича мобилизовали и отправили на фронт. После окопов Первой мировой Анатолий Иванович вновь возвращается на сцену, служит в театрах Киева, Одессы, Сухуми, Батуми.

В сезон 1924–1925 годов в Казани был организован филиал театра бывш. Корша, куда вошли наиболее одаренные актеры среднего поколения и многообещающая молодежь. Среди них были Н.Соснин, А.Перегонец,

Н.Петипа. Руководитель театра М.Шлуглейт пригласил в труппу и бывшего коршевца Добкевича.

Именно в театре «Комедия» в Богословском переулке состоялась первая встреча Александры Перегонец и Анатолия Добкевича. Анатолий Иванович полюбил Александру Федоровну с первого взгляда, поначалу без всякой надежды на взаимность. Но постепенно его благородство, душевная красота и искренность завоевали её сердце. Перегонец пригласили в Большой драматический театр, Добкевич последовал за ней в Ленинград. Когда ему не удалось устроиться в театр, он стал играть на разовых, лишь бы быть рядом.

Судьба подарила Александре Федоровне любовь удивительного человека, но, измученная невзгодами прежних лет, она не сразу решилась ответить на его чувство. В ноябре 1927 года она сообщила брату: «Что будет — не знаю. Я ведь не из увлекающихся особ, мне трудно менять свою жизнь. Слишком уж давно я одна и самостоятельна». А уже год спустя, летом 1928-го, Перегонец пишет о Добкевиче: «Теперь так не любят. Этот человек — романтик. Его все любят, все уважают и ценят. Он умный, интересный и очень добрый».

А.Добкевич был романтиком не только в жизни, но и в искусстве. Человеческие и актерские качества выдвигали его на роли, где нужна была яркая, сильная личность. Те, кто видел Добкевича на сцене, в один голос утверждают, что большинство его героев были людьми храбрыми, цельными, решительными. С. Ландау в книге «Александра Перегонец. Судьба актрисы» приводит воспоминания о Добкевиче преподавателя И.Журавлевой: «Он производил всегда на сцене впечатление красивого, мужественного человека, истинного героя, на которого следует равняться. В его игре были большая страстность, сила темперамента и гражданский пафос. И потому, наверное, в него абсолютно верилось!». Добкевич был преимущественно актером героико-эпического плана, однако в его работах часто встречались и социально-бытовые элементы. Диапазон был необычайно широк: от ролей в высокой трагедии до остросатирических образов.

После приезда в 1932 году в Симферополь Анатолий Иванович по праву стал одним из ведущих актеров Крымского госдрамтеатра им. М.Горького. Поистине огромен список ролей, сыгранных им за девять лет работы на симферопольской сцене. Вот лишь небольшой перечень наиболее ярких: Паратов в «Бесприданнице» и Несчастливцев в «Лесе» А. Островского, Сатин в «На дне» и Егор Булычев в одноименной пьесе М.Горького, Городничий в «Ревизоре» Н. Гоголя, Петруччо в «Укрощении строптивой» В.Шекспира, Хельмер в «Норе» Г.Ибсена, лорд Болингброк в «Стакане воды» Э. Скриба. Особое место в репертуаре Добкевича занимали образы, созданные им в пьесах современных авторов. Он играл Швандю в «Любови Яровой» К. Тренева, Гайдая в «Гибели эскадры» и Платона Кречета в одноименной драме А. Корнейчука, Алексея в «Оптимистической трагедии» В. Вишневского. Главной особенностью этих ролей актера была

мощная лепка характера, глубокое проникновение в социальную суть образа, четкость гражданской позиции. Лучшей его работой в современной драматургии стала роль Шадрина в спектакле «Человек с ружьем» по пьесе Н.Погодина. «Правдиво и жизненно» — так говорили о Шадрине-Добкевиче критики. После этого спектакля Анатолий Иванович был удостоен звания «Заслуженный артист РСФСР».

Летом 1941 года театр гастролировал в Севастополе. Вечером 21 июня шел спектакль «Кремлевские куранты», в котором Добкевич талантливо исполнял роль Забелина. Возвращаясь в гостиницу после спектакля, они с Перегонец последний раз любовались морем. А ночью их разбудили взрывы. Так ворвалась в их жизнь война. 6 июля на общегородском митинге интеллигенции в помещении театра Добкевич выступил с речью. Он говорил: «Эти дни сделали нас участниками всемирно-исторических событий. Они накладывают на нас огромную ответственность. Мы готовы в любой момент все наши силы, а если понадобится, и жизнь отдать, сражаясь за Родину!» Актер и патриот Добкевич сдержал свое слово. 30 января 1942 года гестаповцы арестовали Анатолия Ивановича. Они хотели использовать его в своих целях — им важно было переманить на сторону оккупационных властей столь уважаемую и авторитетную в Симферополе личность, как Добкевич. Ему был предложен пост бургомистра города. Но Анатолий Иванович не захотел купить жизнь ценой предательства. В феврале 1942 года он был расстрелян.

Анатолию Ивановичу не суждено было стать членом подпольной группы работников театра. Его имени нет на мемориальной доске на фасаде театра. Но, думается, именно его героический дух вдохновлял коллег на борьбу с оккупантами. И память о нем, как и о героях — подпольщиках, жива.

О СИМФЕРОПОЛЕ НЕ ЗАБЫВАЛ НИКОГДА

Творчество народного артиста СССР МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ЦАРЕВА — одна из ярких страниц в истории русского сценического искусства. Большая часть его актерской биографии связана с Малым театром, который он долгие годы возглавлял и где сыграл свои лучшие роли. Но был в судьбе Михаила Ивановича и симферопольский период — три года работы на сцене Крымского академического русского драматического театра имени М. Горького.

М.И. Царев родился 1 декабря 1903 года в Твери, в казенном доме близ железнодорожной станции, где его отец служил фельдшером. Семья много переезжала, и в гимназию восьмилетний Миша пошел в Ревеле. Уже тогда начали проявляться его актерские способности. Вот что вспоминал об этом времени сам Михаил Иванович: «В первом классе русский язык преподавал нам Тюленев, пожилой человек, у которого были свои странности. Он никогда не разговаривал с учениками — мрачно сидел на уроках, уткнувши голову в журнал. Не поднимая головы, вызывал учеников, выслушивал ответ и ставил отметку. Как-то он задал нам выучить наизусть отрывок из

поэмы Некрасова. Шел урок. Тюленев в своей обычной манере вызывал учеников и ставил отметки с таким видом, словно его все это совершенно не касается. Дошла очередь и до меня. «Однажды в студеную зимнюю пору»,— начал я, а когда кончил, учитель вдруг неожиданно поднял голову, посмотрел на меня и сказал: «После того как скажешь «гляжу» — посмотри в окно, и когда ты там как бы увидишь, что поднимается медленно в гору лошадка, вот тогда и скажи». И поставил мне пять с плюсом. Пятерка меня обрадовала. А совет понравился. Я почувствовал, что «увидев», гораздо легче произнести слова стихотворения. Позже я осознал, что это и был, наверно, мой первый урок по системе Станиславского, а может быть, и больше — первый толчок, направивший по актерскому пути».

В 1917 году семья Царевых переехала в Царское Село. Вскоре Михаил стал студентом Школы русской драмы при Александринском театре в Петрограде, учеником выдающегося актера-романтика Юрия Михайловича Юрьева. Именно от него он перенял главное — стремление рыцарски служить искусству Театра. Осенью 1920 года семнадцатилетний М. Царев стал артистом Большого драматического театра. За три года службы в нем сыграл довольно большое количество ролей в классике и пьесах современной зарубежной драматургии. И хотя не все они были достаточно интересны, молодой артист, как вспоминают современники, старался быть по возможности точным и убедительным. Одной из лучших его работ того времени был Флориндо в комедии Карло Гольдони «Слуга двух господ». Затем — годы работы в Ленинградском Василеостровском театре, в московской «Комедии» (бывший театр Корша), в провинции — Махачкале и Казани, где Михаил Иванович служил в сезон 1927—28 гг.

Из воспоминаний М.И. Царева: «Ещё в Казани я получил телеграмму из Симферополя от главного режиссера Б.А. Бертельса с предложением службы в Крымгосдрамтеатре, куда я и поехал. В Крыму я осел — то ли природа меня пленила, то ли люди, то ли сам театр, а скорее всего все вместе, да ещё плюс уверенность в завтрашнем дне. И я прожил там три года. Надо сказать, что получить приглашение в Симферопольский театр было большой удачей. Симферополь всегда отличался хорошими труппами. Тут служили многие актеры, которые завоевали на периферии, а иногда и в столице настоящее признание».

Сезон 1928–29 годов открылся в Крымгосдрамтеатре 2 октября. А уже 5-го Царев дебютировал на симферопольской сцене в спектакле по пьесе Н. Лернера «Петр III и Екатерина II», где играл фаворита императрицы Григория Орлова. Михаил Иванович обладал всеми данными для создания неоднозначного образа храбреца, гуляки и вместе с тем человека, способного мыслить по-государственному, истинного патриота России. Актер сочетал прекрасный голос, статность с глубиной проникновения в образ. Однако несовершенный драматургический материал не позволил этим качествам проявиться в полной мере. В результате рецензенты отмечали, что Царев играл Орлова с некоторой «нарочитой декламационностью». В этот сезон у Царева были еще две роли в постановках исторического плана — князя Плавутина-Плавунцова в «Холопах» П. Гнедича и гусара Милорадовича в

комедии «Гусары и голуби» В.Волькенштейна. В октябре 1928 года Царев вновь встречается с ролью Флориндо в «Слуге двух господ». Но трактует этот классический образ иначе, нежели в постановке Большого драматического театра: мужественно, раскованно, с чувством юмора.

В Симферополе Царев играл много. Это были разные характеры, амплуа, стили. С первых же дней работы Михаила Ивановича в Крыму Б. Бертельс начал занимать его в своих постановках. Борис Александрович был человеком широко одаренным, прекрасно владеющим режиссерской профессией. Между ним и молодым Царевым установилась подлинная творческая дружба. Театровед Людмила Коржевич отмечает: «Бертельс шел навстречу желанию Царева пробовать себя как можно шире и смело поручал, казалось бы, совсем не свойственные актеру роли. Очень часто эксперименты увенчивались успехом, неожиданным и для режиссера, и для исполнителя.»

Новый 1929 год коллектив встретил премьерой-спектаклем «Ночь перед рождеством» по Н.В. Гоголю. Это было праздничное, яркое представление, пронизанное весельем и оптимизмом. Как и следовало ожидать, роль кузнеца Вакулы режиссер Б. Бертельс доверил М. Цареву. Спектакль прошел с большим успехом. В 1929 году театр ставит пьесу Евгения Яновского «Ярость». Это была большая удача коллектива. В спектакле Царев исполнял возрастную роль немого партизана Семена Коврова. Очевидцы вспоминали, что эта работа была одной из самых убедительных в постановке. Рецензент газеты «Красный Крым» писал: «Трудная, бессловесная, но значительная роль красного партизана Коврова проведена Царевым с большим чутьем и внутренним напряжением». Исследователи творчества Царева отмечали, что образ Коврова стал одной из ступеней в его биографии. Впоследствии он не раз будет удивлять и коллег, и зрителей богатством своего актерского диапазона. Последней работой Царева в Симферопольском театре, принесшей ему широкое признание, была роль мудрого старика-часовщика Гольберга в пьесе Юрия Болотова «Крылья». В то время Михаилу Цареву было 26 лет, но убедительность его в этом образе была бесспорной, и это свидетельствовало о высоком мастерстве перевоплощения. Рецензенты подчеркивали, что игра актера продумана и прочувствована.

Три года работы на сцене Крымгосдрамтеатра стали временем становления Царева как актера. В 1931 году он возвращается в Ленинград, в академический театр им. А.С. Пушкина, на прославленную Александринскую сцену. Потом была работа в театре В. Мейерхольда, где он блистательно сыграл Армана Дюваля в «Даме с камелиями» А. Дюма и Чацкого в «Горе от ума» А. Грибоедова. И — полвека служения Малому театру.

Но о Симферополе, о русском драматическом театре он никогда не забывал и до самых последних дней интересовался творческими поисками крымских коллег.

Симферополь.2007.